

Очевидно, что человек рискнул всем, и это его выступление в YouTube — отчаянный акт мужества. Что я могу сказать? Безумству храбрых поём мы песню.

Юрий БЫКОВ, режиссёр

НЕПОКОРНЫЙ

А · Р · Е

Т · · С

Часть 1

Н · А · Т

А Л Е К С А Н Д Р Ш Е С Т У Н

Александр Вячеславович Шестун

Непокорный арестант. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43473243

ISBN 9785005019936

Аннотация

Правда о современной России, рассказанная самым известным узником ФСБ из камер жутких изоляторов страны. Книга эксклюзивы Серпуховского района Подмосковья Александра Шестуна.

Содержание

Часть первая	5
ВСТУПЛЕНИЕ	6
РАЗГОВОР ВТОРОЙ	12
«В ЭТОМ КАБИНЕТЕ РЕШАЮТСЯ СУДЬБЫ»	13
РАЗГОВОР ТРЕТИЙ	17
«ОНИ ДО ВЫБОРОВ ТЕБЯ ЗАКОПАЮТ»	18
ВВЕДЕНИЕ	22
ВОРОБЬЁВ VS ШЕСТУН. ПОЛНАЯ ПОБЕДА?!	23
ГЛАВА ПЕРВАЯ	42
ГЛАВА ВТОРАЯ	65
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Непокорный арестант

Часть 1

Александр
Вячеславович Шестун

© Александр Вячеславович Шестун, 2019

ISBN 978-5-0050-1993-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-1994-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Правда о современной России, рассказанная самым известным узником ФСБ из камер жутких изоляторов страны

Очевидно, что человек рискнул всем, и это его выступление в YouTube – отчаянный акт мужества. Что я могу сказать? Безумству храбрых поём мы песню.

Юрий БЫКОВ, режиссёр

ВСТУПЛЕНИЕ

У моего мужа – Александра Шестуна – множество талантов. Но его писательский талант раскрылся для меня в тот же момент, что и для остальных жителей России, следивших за трагедией нашей семьи по его публикациям в прессе.

За последние 10 месяцев мой муж стал одним из самых обсуждаемых людей в нашей стране. И говорили о нём, конечно же, не только хорошее. Столько негатива, сколько вылилось в его адрес и в адрес нашей семьи, мало кто получал. Что же, мы этого ожидали после того, как Александр Вячеславович опубликовал обращение к президенту России с записями угроз со стороны силовиков и чиновников самого высокого ранга. Подобных разговоров никто никогда не слышал и, возможно, больше не услышит. Нужно быть в известной степени отчаянным, чтобы решиться выложить в открытый доступ компромат такого уровня.

История моего мужа уже стала неотъемлемой частью истории России. Ему вменили наличие имущества на 10 миллиардов рублей, пусть к нашей семье оно и не имеет никакого отношения – это веха, это останется навсегда и, возможно, об этом напишут в учебниках. Возможно, там напишут и о том, как в день ареста 40 человек ворвались в наш дом, как люди в масках наставляли пистолет на дочь, запугивая наших малолетних детей...

Пока же обо всём этом пишет мой муж, Александр Шестун, в своих дневниках. Раз в несколько недель он передаёт СМИ свои записи, в которых описывает происходящие события. Именно из этих записей, по крупицам, сложилась данная книга.

Меня часто спрашивают, зачем он всё это пишет, не страшно ли нам. Конечно, страшно, но, возможно, обращение и эти дневники как раз спасли ему жизнь, стали для него своего рода охранной грамотой, и наше главное достижение – мой муж до сих пор жив. Что бы ни говорили и ни писали в СМИ, для нашей семьи и для многих жителей страны Александр Вячеславович – герой, пусть наша жизнь и перевернулась на 180 градусов.

Надо знать моего мужа – он всегда был борцом и никогда бы не отступил назад. В 90-х он боролся с системой, выстроенной бандитами, и никогда не платил им ни рубля. Уже будучи главой Серпуховского района, он боролся с прокурорами, требовавшими взятки. И его заключение – не что иное, как результат его борьбы за сохранение местного самоуправления и закрытие полигона «Лесная».

За десять месяцев, пока Александр Вячеславович находится в изоляторе, Серпуховский район как муниципальное образование был уничтожен, мусорные протесты в Подмосковье подавлены, а полигон ТКО «Лесная» снова открыт и ежедневно отравляет жизнь сотням тысяч людей.

Не стану долго утомлять читателей своими размышле-

ниями, отмечу лишь, что всё же главный талант моего мужа – держать удар, не сдаваться даже тогда, когда, казалось бы, выхода нет. Поэтому и в «Воднике», и в «Лефортово», и в «Матросской Тишине», и в «Кремлёвском центре», где он успел побывать за эти месяцы, Александр Шестун продолжает бороться – составляет сотни жалоб, сообщает о всевозможных нарушениях, выводит на чистую воду коррупционеров и, конечно, ведёт дневники, с первой частью которых вы и сможете далее ознакомиться. Впрочем, сперва – расшифровки исторических разговоров, опубликованных им в том самом обращении к президенту России Владимиру Путину.

Юлия Шестун

**ЗАПИСИ ШЕСТУНА
РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ
«ТЫ ЖИТЬ НЕ ХОЧЕШЬ УЖЕ?»**

Участники: Александр Шестун, Иван Ткачёв (начальник Управления «К» ФСБ РФ, генерал)

Место действия: 1-й подъезд Администрации Президента РФ на Старой площади

Ткачёв: Не надо. И с домом тебя оставят в покое, и с Дорофеевым (*Алексей Дорофеев, начальник Управления ФСБ по Москве и МО. – А. Ш.*) разговаривали, и с Воробьёвым

разговаривали. Слышишь, Воробьёв поднял на уровень президента. Вы не понимаете, что ль?

Шестун: В смысле он поднял? Он что, про Шестуна сказал?

Ткачёв: Да!

Шестун: Что, Путину?

Ткачёв: Да, о конфликте. Об этом говорит директор, об этом говорит уже Кириенко (*Сергей Кириенко, первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ. – А. Ш.*), мне с ним завтра встречаться. Ты шутишь, тебя просто катком переедут и всё. Тебя всё равно подтянут, ты будешь сидеть, пока тебя будут держать, ты пойми. По Сугробову (*Денис Сугробов, сотрудник МВД РФ, генерал-лейтенант полиции (разжалован), фигурант громкого дела о коррупции в МВД, осуждён на 22 года, после приговор смягчён до 12 лет. – А. Ш.*) ты видел, да, проехали?

Шестун: Видел, да, проехали.

Ткачёв: Красиво, жёстко, но команда.

Шестун: Я бы сказал жестоко.

Ткачёв: Да, но это целенаправленно. Много такого. Тебе зачем? У тебя возраст сколько?

Шестун: Мне 52.

Ткачёв: Ты жить не хочешь уже, всё?

Шестун: Вам не жалко? У меня пятеро детей.

Ткачёв: Мне жалко, я не об этом говорю. Ты не допускай того, что тебя просто переедут и у тебя будут ох*енные про-

блемы.

Шестун: Да я понимаю, что меня посадят, я даже не сомневаюсь, вообще без проблем.

Ткачёв: На хрен тебе это надо? Здесь вопрос не в том, что посадят. Здесь вопрос, зачем проблемы тебе, жене, детям. Да отойди ты в сторону. Ему тоже недолго, поверь. Я имею в виду губернатора. Поэтому самое лучшее решение – бумагу, она без даты, оставляешь. Решается проблема. Суд умирает, это всё решается. Здесь ты спокойно сидишь, спокойно к сентябрю уходишь в отставку.

Шестун: Ну так давайте дождёмся решения суда. Как можно до решения суда сливаться?

Ткачёв: Жди. Тогда суд ты проиграл.

Шестун: Ну, это понятно, что суд я уже проиграл.

Ткачёв: А вот если ты сейчас напишешь бумагу и уйдёшь, то суд ты выиграл.

Шестун: Не выиграю.

Ткачёв: Выиграешь. Слышь, команда президента! И Кириенко. Хочешь ты или не хочешь – ты не будешь (*главой Серпуховского района. – А. Ш.*), Саш. Я тебе это говорю. Поверь, я всё-таки с Соловьёвым (*глава Удмуртии с 2014 по 2017 год, предъявлено обвинение в получении взятки. – А. Ш.*), губернатором Марий Эл Маркеловым (*глава республики с 2011 по 2017 год, возбуждено уголовное дело по подозрению в получении взятки. – А. Ш.*). Они тоже так говорили, и упёрся и один, и второй. Вообще никаких. Вообще

нет шансов. Все списки согласования, начиная от губернатора и в район на выборы, идут через меня. Я вижу, кого переедет через месяц, кого через два, кого через три, кого сменят, кто боится. Большая идёт. Всё решается у него. Ты ему отдаёшь, он кладёт в сейф. То же самое сделали Соловьёв и Маркелов. Маркелов приехал сюда, его ломали две недели. Он написал, положил его (*заявление. – А. Ш.*) в сейф. А ушёл и раскрутил в обратную сторону всё. Его бы никто не арестовал, им дали всем возможность красиво уйти, если бы они не пошли в противовес, против, их бы никто не тронул. Они пошли в противовес, была команда, паровоз поехал.

РАЗГОВОР ВТОРОЙ

«В ЭТОМ КАБИНЕТЕ РЕШАЮТСЯ СУДЬБЫ»

Участники: Александр Шестун, Андрей Ярин (начальник Управления Президента России по внутренней политике), Иван Ткачѳв (начальник Управления «К» ФСБ РФ, генерал), Михаил Кузнецов (заместитель председателя правительства Подмосковья, руководитель администрации губернатора Андрея Воробьѳва)

Место действия: встреча у Ярина на Старой площади

Ярин: Если мы хотим дальше двинуться, то должно поступить от вас заявление. Это заявление я при вас закрою в сейф. Мы с Иваном Ивановичем этот момент проговорили. Есть вещи косвенные, как то информационное молчание и отсутствие дискуссии в прессе. Раз. Второе. Есть абсолютно конкретное материальное обязательство, которое должно быть выполнено. В частности, должна быть каким-то образом скорректирована ситуация по суду по вашему дому.

Ткачѳв: Конечно, 18-го числа уже суд.

Ярин: Более того, я буду требовать от Михаила Михайловича (*Кузнецова. – А. Ш.*) составления некоего сетевого графика по выполнению обязательств. В этой связи вполне возможно, что они вопросы решат гораздо быстрее. Но давайте мы сейчас не будем обсуждать, какие сроки это будут.

В любом случае ваш уход должен дать вам возможность сохранить лицо. Любые движения в эту сторону, я вас услышал, я буду делать. Вы же свободный человек, гражданин Российской Федерации, свои отношения с господином Воробьёвым вы можете выстраивать без господ Ткачёва и Ярина. Но, если вы хотите в моём лице и в лице Ивана Ивановича иметь некоего гаранта или, скажем, человека, который готов за вас что-то Воробьёву говорить, вы должны сделать некий шаг, и со своей стороны, если вы сделаете шаг, гарантирую, что буду вести себя порядочно в рамках достигнутых за этим столом договорённостей. Я не дам хода этому заявлению, пока я не буду уверен, что то, о чём мы здесь договорились, будет выполнено. Другое дело, с вашей стороны я тоже имею понятные обязательства, что вы ведёте себя нормально. Когда президент подписывает, тогда всё и происходит. Логично, да? Вот здесь та же самая ситуация. О том, что напишет заявление Шестун, знают четверо здесь и Воробьёв. Всё, мы больше не комментируем. Если меня спросят, то я ничего не знаю, я Шестуна видел в своей жизни один раз на казачьем параде. Или два. Вот, собственно говоря, всё. Давайте мы с этим закончим. У меня вопрос, Александр Вячеславович, к вам: вы писать будете или нет? Вот давайте, чтобы мы время не тратили. Если вы будете писать, я всё сказал, я больше расшаркиваться не хочу. Мы двигаемся. Если нет, тогда, собственно говоря, ну что мы, это самое... Заявление должно быть вот в такой форме, мои юристы прорабо-

тают, но надо в такой форме. Достаточно примитивно. Можете написать прямо сейчас, вот бумага перед вами, ручка. Я после этого эту папку, где все материалы, закрываю в сейф, и она там находится. Что касается моей гарантии, мы с Иваном Ивановичем обсудили, у нас единая позиция, что надо делать. Более того, мы настолько тесно связаны в целом ряде процессов, в этих кабинетах у нас не шуткуют. Я уверен, это достаточная гарантия. Можете навести (*справки. – А. Ш.*) у своих знакомых, они знают меня не понаслышке. Достаточная гарантия, чтобы вы были уверены в том, что пока я не пойму, что всё нормально и все ваши условия выполнены... (*то я не дам хода вашему заявлению. – А. Ш.*). Напомню, их было два: материальное – это дом, и второе, что вам а) надо дать сохранить лицо и б) чтобы вся медийная травля была закончена. Я говорю откровенно. В противном случае...

Кузнецов: Ради бога, мне просто понять, кто наезжает.

Ярин: Слушайте, вы разберитесь лучше. У меня есть понимание, кто наезжает.

Кузнецов: Серпухов?

Шестун: Да.

Ярин: Серпухов.

Кузнецов: Что касается серпуховской истории, мы, конечно,отрегулируем.

Шестун: Мне сегодня две центральные газеты звонили.

Кузнецов: Ну, не знаю, нам это не нужно просто, риск.

Ярин: Всё понятно.

Кузнецов: У вас же есть телефон, написали бы: «Мне звонят». Вы же пишете, когда нужно.

Ткачёв: Михаил Михайлович, не заставляйте меня биллинг поднимать, я тогда нос тебе утру. Прекрати, хорош!

Кузнецов: Хорошо.

Ткачёв: Я тебе говорю, да! Прекрати! Не надо. Я подниму тогда скандал.

Кузнецов: Хорошо.

Ярин: В этом кабинете решаются судьбы очень многих людей, поверьте, судьбы глав района решаются в кабинетах ниже уровнем. Поэтому, если бы мне надо было упаковать Шестуна, уж извините за терминологию, я бы, наверное, это сделал не тратя второй час, обсуждая простые и понятные вещи.

Шестун: Я пока не готов подписать.

Ярин: Вам надо было принять моё предложение. Вы его не приняли. Поэтому будем считать, что этого разговора не было. Хорошо? Всё, спасибо. До свидания.

РАЗГОВОР ТРЕТИЙ

«ОНИ ДО ВЫБОРОВ ТЕБЯ ЗАКОПАЮТ»

Участники: Александр Шестун, Иван Ткачёв (начальник Управления «К» ФСБ РФ, генерал)

Место действия: после встречи с Яриным

Ткачёв: Сейчас тебя будут по всем фронтам: следствие, прокуратура, со всех сторон тебя будут окружать. Все будут давить, искать возможность для того, чтобы тебя заколбасить. Тебя и так снимут оттуда. Даже снять тебя по декларации не вопрос. На тебя сейчас заточен Дорофеев. Он тебя катком переедет. Им по хрену. За Дорофеевым стоят помощники, два. Они тебя просто переедут. Есть основная сила — это Дорофеев. Дорофеев управляет и прокурорами, и ментами, и с Воробьёвым они заходят, целуются. Я всю методику отработал, я уже не одного губернатора так. Они залезут в твои дела 8—7-летней давности. У нас срок давности 10 лет.

Шестун: Да, это сто процентов, легко.

Ткачёв: После этого тебе нарисуют, приеду не я, приедет Москва или менты. Понимаешь, да? Тебя просто под ручки, под беленьки заберут, арестуют активы. Нарюют и закроют.

Шестун: У меня даже нет сомнений, Иван Иванович.

Ткачёв: Да кипежа не будет. Покажи мне Удмуртию, там

царь и бог был, покажи мне Марий Эл, покажи Сахалин. Владивосток – он был самый крутой, его на руках носили. Я работал по всем губернаторам, по всем главам, по всем краям. Ну, если команда пошла, если мы сейчас нагибаем «Альфа-Групп» железно, мы нагибаем «Ренова». В курсе, да? Там уже 80 миллиардов вывезли. Ну и один хрен – команда пришла. И через тебя катком проедут.

Шестун: Дома не сносят, ещё нет такой практики, чтобы сносили дома.

Ткачёв: Они накладывают арест, и судебные приставы после этого включают каток, возбуждают два уголовных дела, три.

Шестун: На кого?

Ткачёв: На тебя.

Шестун: А почему на меня?

Ткачёв: А на кого?

Шестун: А я что делал?

Ткачёв: Да найдут.

Шестун: У меня подписаны все планшеты лесников.

Ткачёв: В другом.

Шестун: А в чём?

Ткачёв: Они тебе насчитывают ущерб, арестовывают дом. Это методика простая, они арестуют не только дом, они арестуют квартиру, они арестуют бизнес, счета – твои, жены. Будет судебный арест. Патрушев сейчас в оппозиции. Они делают глубокий подход, понимаешь? Они до выборов тебя

закопают. Когда народ будет понимать, что Шестун – вор, что Шестун негативный, что Шестун там-то. Ты будешь сидеть. Кто пойдёт-то? Когда покажут всё это по телевизору.

РАЗГОВОР ЧЕТВЁРТЫЙ

«ТЕБЕ НЕ НАДО ОРГАНИЗОВЫВАТЬ МИТИНГ»

Участники: Александр Шестун, Иван Ткачёв (начальник Управления «К» ФСБ РФ, генерал)

Место действия: телефонный разговор в апреле 2018 года, речь идёт о митинге против полигона ТБО «Лесная»

Ткачёв: Тебе не надо ничего организовывать подобного. Услышь меня. Не надо делать, потому что твой полигон – это следующий, где будет произведено наведение порядка.

Шестун: Иван Иванович, сегодня туда привезли в три раза больше положенных машин по лицензии.

Ткачёв: Я знаю!

Шестун: Вчера в четыре раза больше.

Ткачёв: Я знаю! Я знаю.

Шестун: Пусть остановят, проблем же нет.

Ткачёв: Я просто хочу, чтобы ты меня услышал.

РАЗГОВОР ПЯТЫЙ

«МЫ НАЙДЁМ МЕСТНОГО, КОТОРЫЙ ПОЙДЁТ НА ВЫБОРЫ»

Участники: Александр Шестун, Михаил Кузнецов (заместитель председателя правительства Подмосковья, руководитель администрации губернатора Андрея Воробьёва)

Место действия: встреча в марте 2018 года, перед принятием Мособлдумой закона о прямых выборах в Серпуховском районе

Кузнецов: Теперь у меня остаётся одно условие, политическое условие. Оно связано с вашим спокойным пребыванием в Серпуховском районе. Мы найдём местного человека, который пойдёт на выборы и будет там спокойно заниматься.

Шестун: Как вы можете сделать выборы главы, когда вы не можете по закону сделать?

Кузнецов: Мы чего, мы можем принять прямые выборы.

Шестун: Главы?

Кузнецов: Главы. Вы на них не идёте. Это единственное, о чём мне с вами надо поговорить. Всё остальное меня не беспокоит.

ВВЕДЕНИЕ

ВОРОБЬЁВ VS ШЕСТУН. ПОЛНАЯ ПОБЕДА?!

Андрей Воробьёв согласован и безальтернативно идёт на новый губернаторский срок в Московскую область, глава Серпуховского района Александр Шестун за решёткой. Долгий процесс этого неравного противостояния всё Подмосковье наблюдало несколько лет. И вот закономерный исход!

Изначально мои отношения с Воробьёвым складывались хорошо. Перед выборами 2013 года, когда выбирался губернатор Подмосковья и глава Серпуховского района, я подошёл к тогда ещё исполняющему обязанности губернатора и сказал, что, если он не против, то я буду баллотироваться на пост главы муниципалитета. Андрей Юрьевич ответил: «Конечно, Вячеславович, мы же в одной команде». Воробьёв за один только первый год своего правления трижды приезжал в район на открытие новых заводов – «Герофарм», «Серпуховский лифтостроительный завод», да и на следующий год совершал визиты на эти производства, присутствовал на открытии школы-интерната «Абсолют» и нового коттеджного посёлка для семей, усыновивших сирот, в селе Райсемёновском. Стоит отметить, что все объекты были построены на частные деньги, и Воробьёв хвалил район за привлечение инвестиций.

Уникальная для России школа-интернат «Абсолют» в селе Райсемёновское

Александр Шестун с губернатором Московской области Андреем Воробьёвым на открытии инсулинового завода «Герофарм-Био» в посёлке Оболенск, 2013 года

Первый и, может, ключевой конфликт произошёл во время посещения премьер-министром Дмитрием Медведевым лифтостроительного завода. Незадолго до этого я неоднократно обращался к Воробьёву: компания «Капитал плюс» и завод сухих смесей не могут получить лицензию на разработку песка и гравия. Губернатор позвонил в Минэкологии при мне и сказал, чтобы бизнесменов приняли. В министерстве же их послали в фирму «Основа», где директор Иванченко попросил один доллар за один кубометр, то есть за всё месторождение 14 миллионов долларов (сегодня это почти 900 миллионов рублей).

Пока мы ждали Медведева, я сказал, что инвесторам выкатили незаконную, космическую взятку, почти в миллиард (!). Воробьёв взбесился и начал материться на меня, угрожал, что посадит.

Премьер-министр России Д. А.Медведев на «Серпуховском лифтостроительном заводе», 9 июня 2014 года

Потом команда Воробьёва придумала фейкового фермера, которому, якобы, в районе не выделяют землю. Мне устроили публичную порку с привлечением СМИ. Я, как и предупреждал, ответил критикой правительства, публично рассказав о 5 миллиардах рублей, что власти области тратят на собственный пиар, об аренде дорогих автомобилей и вертолётов. Мои слова подхватили в Общероссийском народном фронте, а затем все ведущие СМИ страны.

Потом была следующая стычка: по долгам ЖКХ. Обсуждая эту тему, Воробьёв вновь матерился и оскорблял меня в присутствии других людей, посадил трёх районных ком-

мунальщиком в тюрьму со словами: «Вернёте деньги – выпустим людей». А ведь район зарабатывает, но... Уже скоро во дворце спорта «Надежда» две тысячи человек скандировали: «Хватит пиара, верните наши деньги». Имелось в виду, что район собирает более 5 миллиардов рублей, а собственных доходов область нам оставляет 800 миллионов – исключительно на обязательные платежи и зарплаты бюджетникам, но не на развитие. Потом ещё была резонансная голодовка за строительство школы в посёлке Большевик и митинг за закрытие мусорного полигона «Лесная».

Голодовка за строительство новой школы в п. Большевик

Самый крупный митинг против полигона ТКО «Лесная» в посёлке Большевик, 18 апреля 2018 года

«Хватит пиара! Верните наши деньги!» – скандировали

жители Серпуховского района в ДС «Надежда», высказываясь против политики губернатора А.Ю.Воробьёва

С приходом членов «подольской бригады» в Серпухов, ситуация обострилась. Случилось так, что в соседнем муниципалитете глава досрочно покинул свой пост. В тот же миг власти Подмосковья отменили в городе прямые выборы и «кривым» путём усадили в кресло градоначальника своего человека – заместителя главы Подольска Дмитрия Жарикова. Новоявленному мэру Серпухова поставили чёткую задачу – «снести» Шестуна, и гарантировали необходимое боевое подкрепление.

Вскоре Жариков предложил мне своего зама Батукова на пост руководителя администрации. Я отказал. Отмечу, что ранее Жариков твердил, что не станет лезть в дела района, а будет заниматься только городом. Соответственно, отношения у мэра-назначенца со мной не сложились.

Глава города Серпухова Дмитрий Жариков, ставленник
Подольской группировки и губернатора Московской обла-
сти

Владимир Батуков – подольский кандидат на должность главы администрации Серпуховского района

Потом со стороны Росимущества по Московской области был наезд на «Парк Дракино», где базируется муниципальная детско-юношеская спортивная школа «Пегас». Управление требовало в суде изъять землю парка и снести там все строения. При встрече руководитель областного Росимущества Елена Паткина сказала, что её попросил начать тяжбу Воробьёв. Больше года шли суды. В итоге Росимуществу отказали в полном объёме.

Всё это время ко мне регулярно приезжал руководитель администрации губернатора Михаил Кузнецов и предлагал уйти с должности главы в депутаты Мособлдумы. Тогда же он сулил место председателя комитета, что давало право на служебный автомобиль и большую зарплату. Я ответил, что мне это неинтересно.

Михаил Кузнецов, руководитель администрации губернатора Московской области

Вскоре Михаил Кузнецов с «министром безопасности области» Романом Каратаевым начали ездить к тогда ещё полковнику ФСБ Ивану Ткачёву – начальнику 6-й службы УСБ ФСБ.

Начальник 6-й службы УСБ ФСБ, а с 2016 года – Управления «К» ФСБ РФ генерал-майор Иван Ткачёв

Я долго работал с Ткачёвым по сотруднику Генпрокуратуры Сергею Абросимову, вымогавшему деньги, по так называемому «игорному делу» о подпольных казино в Подмоскowie, по нарушениям в ГУЭБиПК МВД РФ. Было видно, как с каждым днём отношения подмосковных чиновников и Ткачёва улучшаются, вскоре при встречах они начали обниматься и целоваться. В итоге Иван Иванович вместе с начальником ГУВП Администрации Президента РФ Андреем

Яриным и Михаилом Кузнецовым на Старой площади потребовали от меня написать заявление об отставке. В противном случае угрожали бросить за решётку и отобрать мой дом, а детей по миру пустить. А если я вновь соберусь баллотироваться на пост главы района, то посадят и остального имущества лишат. Я отказался писать заявление об уходе... Практически сразу правительство области обратилось в суд с иском о признании строительства моего дома незаконным. Но суд я выиграл.

Все угрозы мне удалось записать на диктофон. Я сказал им, что, как только меня начнут сажать, – сразу опубликую файлы.

Последней каплей терпения «тройки» стал выигранный районной администрацией суд о запрете эксплуатации полигона ТБО «Лесная» и запланированный активистами митинг за закрытие свалки. Ткачёв позвонил мне в начале апреля и потребовал запретить народу выходить на площадь, добавив, что в противном случае меня «закатают в асфальт катком». Я же аргументировал свою позицию тем, что уже обещал уставшим от смрада помойки людям разрешить акцию, что она пройдёт в рамках закона: организованно, без нарушений.

Весь апрель и май беспрецедентное силовое давление оказывалось на подразделения администрации Серпуховского района. К нам не реже одного раза в неделю приезжало по сто человек в масках. Такого наезда на муниципальный район

Россия ещё не видела. Нам открыто демонстрировали силу, начали арестовывать людей по сомнительным поводам, провели под сотню обысков, которые длились с пяти утра и до пяти утра следующего дня. Это можно было сравнить с нашествием ордынцев или фашистских захватчиков, которых ранее уже видела серпуховская земля.

Понятно, что все привыкли к «работе» полиции на губернатора и «подольских». Но чтобы ФСБ опустилась до прислуживания очевидно непопулярному главе региона, добившемуся небывалого уровня коррупции и прославившемуся неэффективным управлением областью!

Когда генерал ФСБ, начальник Управления «К» Ткачёв с начальником ГУВП Яриным, как гопники, шантажируют меня благополучием моей семьи, а президент России на это не реагирует, хотя пресс-секретарь Песков знает о моем видеообращении и обещал подробно ознакомиться с изложенными фактами, когда генерал ФСБ оправдывает связь губернатора Воробьёва с подольской группировкой и говорит, что президент общается с их лидером Лучком (Сергеем Лалакиным), и «сносит» меня под них, разве выигрывают при этом государственные интересы?

Разве не означает это конец демократической процедуры выборов и возрождение традиций 1937 года? Кто выиграл от того, что я в тюрьме по сфабрикованному делу? Может, пятеро моих детей, которых вооружённые люди укладывали на пол? Публичная расправа надо мной даёт сигнал всей

стране, что «мочить» будут не только оппозицию, но и лояльных к государственной власти руководителей, которые мешают кормиться жуликоватым губернаторам, приближённым олигархам, преступным группировкам и обслуживающим их интересы внезапно разбогатевшим генералам ФСБ.

Я искренне верил в «контору», что ФСБ может быть единственным стержнем, объединяющим звеном всех правоохранительных органов. Я десять лет работал с ФСБ, не жалея сил и пренебрегая рисками. На своём пути я встречал очень много честных, профессиональных и патриотичных офицеров, желающих служить стране до последней капли крови. Даже когда за арест Абросимова Генпрокуратура в отместку возбудила в отношении меня уголовное дело по тяжкой части 4 статьи 290 УК РФ («взятка») по заявлению местного уголовного авторитета Графа, я счёл это издержками: на войне как на войне. Хотя Алексей Дорофеев, будущий начальник Управления «М», и Иван Ткачёв, начальник 6-й службы, давали мне слово, что ни один волос не упадёт с моей головы. «Это честь ФСБ», – заявляли они, но, по иронии судьбы, именно Дорофеев и Ткачёв стали моими палачами за мусорные деньги Воробьёва и его друганов – Лучка, Гарика Махачкалы и других подмосковных братков. Разве от моей публичной репрессии усилится авторитет ФСБ? Два этих воробьёвских прислужника уронили честь и достоинство некогда самой мощной структуры России. Любая могущественная организация не сможет удерживать авторитет

только на силе и жестокости. В первую очередь, сила в справедливости, сила в правде, сила в доброте, сила в чистоте своих рядов. О какой чистоте рядов может идти речь, если Ткачёв наговорил столько, что в НКВД его за это давно бы расстреляли, а в ЦРУ немедленно уволили.

Возле Московского областного суда с оперативниками ФСБ после заседания по делу Е.Ю.Базановой, где Александр Шестун выступил свидетелем в защиту Елены Юрьевны. 19 мая 2011 год

Слова Ивана Ивановича слышала вся страна, более 3 миллионов просмотров видеообращения к президенту в интернете. Там Ткачёв говорит, сколько олигархов и губернаторов он посадил по политическим мотивам. «Он, губернатор, от-

казался подписать заявление об отставке – паровоз поехал, – откровенничал Ткачѐв, силясь произвести на меня впечатление. – Видел, как генерала Сугрובה посадили? – вещал Ткачѐв. – Красиво, жѐстко, но команда». Однако ранее он откровенничал со мной, что они зашли на его поляну обнала, что и подтвердило дальнейшее назначение Ивана Ивановича в Управление «К».

Начальник УФСБ по Москве и Московской области, генерал-полковник Алексей Дорощев, чьими руками действовали Ткачѐв и Воробьѐв

Для Серпуховского региона расправа надо мной означает полное доминирование «подольских» над югом Подмос-

ковья. Когда всех серпуховских предпринимателей начала обирать зашедшая в город «подольская команда», некоторые взбрыкнули и направились в суды. Правда, после посадки предпринимателя Владимира Кирницкого, который отказался платить им 10 миллионов рублей за общее покровительство, и после сноса медицинского центра Василия Стрельникова за отказ платить 8 миллионов, готовых отстаивать свои права остались единицы. После же моего ареста их не осталось совсем. Сращивание «подольских» с УВД, ФСБ, прокуратурой при полной поддержке губернатора, фактически безальтернативно идущего на выборы, означает тотальную власть, которая приведет к массовым поборам, остановит приток инвестиций, лившийся до этого в Серпуховский район, приведёт к открытию новых свалок и отказу от судебного решения по закрытию полигона ТБО «Лесная». Тут, как нельзя к месту, слова английского историка и политика Джона Актона: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно».

Предстоящие выборы в районе нужны подмосковным властям только для одного: ликвидировать муниципалитет руками их ставленника и влиться в город. Никого не волнует, что сельские жители потеряют льготы на электричество, учителя, работники культуры и спорта лишатся сельских надбавок к зарплатам, что городским и сельским поселениям срезется финансирование на благоустройство и дороги, что городок Курилово отдадут в Калужскую область.

Публичное вмешательство председателя Центризбиркома России Эллы Памфиловой даёт надежду на моё участие в выборах на пост главы Серпуховского района. Если Шестун, находясь в СИЗО, выиграет выборы, это будет событием российского уровня, и, как дальше сложится политическая ситуация, никто сейчас не представляет¹.

Как это ни странно, я не чувствую себя проигравшим, впрочем, как и выигравшим. Знал ли я, что меня посадят? Конечно. Знал и публично говорил, что вероятность оказаться за решёткой после моего видеообращения равна 90%. Тем не менее я отказался уезжать из страны, я и не думал разоблачать их из уютной и безопасной Европы. Почему? Во-первых, я люблю свою Родину, во-вторых, я хотел показать всем жителям России, что есть люди, которые могут вскрыть гнилую сущность столь высокопоставленных чиновников, их варварские манеры и подлость, не знающую пределов. Я ощущаю себя героем, патриотом, пусть с печальным финалом. Только одно не дает мне покоя: мог ли я не ставить интересы района, страны (кто-то скажет – свои амбиции) против интересов своей семьи? Мои дети страдают. Я уже не говорю, что содержание пятерых детей, находящихся на моём иждивении, ставит жену в сложную ситуацию. Знаю, как им теперь придётся тяжело. Это и только это разрывает

¹ Введение к книге Александр Шестун писал в июне 2018 года, но впоследствии ему не дали участвовать в предвыборной гонке, не допустив в следственный изолятор нотариуса для оформления доверенности, которая необходима при подаче документов в территориальную избирательную комиссию.

мне душу.

Значит, всё-таки реально это победа Воробьёва и «подольских» над Серпуховским районом, над Шестуном? Да! Конечно, это политический разгром. Но какой ценой это сделано? Каковы будут последствия? Какие репутационные потери понесла ФСБ? Вся наша страна увидела, как могут угрожать высокопоставленные чиновники, и что даже обнародование этих угроз их не останавливает, не ведёт к наказанию.

Местное самоуправление всей страны увидело, что они – низшая каста, что муниципалитеты уже никогда не будут самостоятельны при выборе стратегии социально-экономического развития, на чём, кстати, держится весь мир. Жители Серпуховского региона увидели звериный оскал власти. А страх – не самое лучшее из чувств, с помощью которого можно эффективно управлять территорией. Беззаконие порождает беззаконие. Террор порождает террор. Бандитская подмосковная власть уже никогда не сможет стать близкой жителям области. Слишком много мы видели подлости, коррупции, пренебрежения мнением местного населения, неэффективной экономической политики, дешёвого популизма, жестокости и безразличия к будущему столичного региона. Кто же выиграл и кто проиграл?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПИСКИ ИЗ «ВОДНИКА»

Когда меня спрашивали о моей главной фобии, я отвечал, что больше всего боюсь попасть в тюрьму. Замкнутое пространство, ограничение свободы в самом жёстком виде, отсутствие информации и свежего воздуха, не самая лучшая компания, плохая еда и ощущение себя преступником, изгоем общества казались мне худшим, что может произойти в жизни. И вот я здесь, в этом аду...

СИЗО-5 «Водник» УФСИН России по г. Москва

Первое, в чём я ошибался, – это плохая компания. Мос-

ковское СИЗО-5 «Водник» так устроено, что первоходов стараются поселить с такими же вновь прибывшими. Эта разумная практика, как я слышал, существует и в других тюрьмах. За две с половиной недели пребывания в этом мрачном месте я меняю уже третью камеру, и везде в большинстве своём мне встречаются люди образованные и, как минимум, неглупые. Может, только на карантине народ был немного попроще: например, узбек, сидящий за кражу велосипедов, или высокий статный шестидесятилетний москвич Юра, задержанный за обмен порнографическими фото в интернете. Мексиканский болельщик с лицом в шрамах забрал в аэропорту чужую ручную кладь с большой суммой наличных. Боря-цыган из Вильнюса погорел на получении денег с банковской карты. Самый близкий мне по духу Виталий Стовец познакомил товарища с полицейским решалой.

Виталий со своим высоким интеллектом и богатым словарным запасом помогал писать мне жалобы. Всё свободное время, особенно в первые дни, я трачу на составление обращений по поводу учинённого с моей семьёй произвола и грубой фабрикацией уголовного дела. Не знаю, как долго мне хватит сил писать, понимаю, что видеообращение к президенту посмотрели все руководители силовых ведомств и правозащитники, и по большому счёту всем всё понятно. Тем не менее буду настраивать себя на продолжение борьбы. К сожалению, других методов, кроме бумажного, в СИЗО нет.

Пока я находился на карантине, меня посетили члены ОНК Когершын Сагиева и Ева Меркачёва. Обе они – журналистки: Когершын работает на телеканале «Дождь», а Ева – корреспондент газеты «Московский комсомолец». Их приход был светлым лучиком в тёмном царстве. По-человечески они пожалели меня и обещали побороться, сделать журналистский запрос Бастрыкину. Надо сказать, ОНК в СИЗО-5 появляется достаточно часто. Например, Иван Мельников, самый активный, побывал у меня уже дважды. В спортзале мы с ним и ещё с одним членом ОНК Александром Ионовым проговорили почти час. Приходил Иван и в третью по счёту камеру, в которой я нахожусь сейчас.

Когершын Сагиева, член ОНК г. Москвы, журналист телеканала «Дождь»

Ева Меркачѐва, член СПЧ при Президенте, заместитель председателя ОНК г. Москвы, журналист газеты «Московский Комсомолец»

Иван Мельников, член ОНК г. Москвы

Служащие СИЗО прислушиваются к замечаниям членов ОНК, и общение с наблюдателями приносит реальную пользу. Например, после жалоб на отсутствие холодильника и телевизора нам сразу же «загнали их в камеру». Я, правда, не очень хотел телевизор, догадываясь, что сокамерники бу-

дут гонять его с утра до вечера, и это будет мешать мне писать обращения. Но стоило заикнуться об этом ОНК, как вся «хата» (камера) начала кричать, что я эгоист и это не по арестантскому укладу – думать только о себе.

После трёх дней в карантине меня перевели в камеру 502. Это была восьмиместная «хата» без «перегрузки»: 8 человек на 8 мест. Почти все постояльцы 502-й сидят по 159-й статье, то бишь интеллектуалы – в основном банкиры, близкие мне не только по духу, но и по возрасту. Только двое, Иван и Рома, молодые, но в целом на атмосферу не влияют. Ваня – типа смотрящего по камере, но это касается лишь соблюдения общих правил гигиены, и он сам, как и все, в день своего дежурства драит туалет с таким же усердием.

502-я камера была образцом благополучия, идеалом благоустройства. Здесь было всё: современный телевизор с большим экраном, огромный холодильник, все виды посуды, кипятильники, тазики, переноски и всего одна двухъярусная кровать. Даже туалет не в кабинке, а просто за невысокой перегородкой был приспособлен к возможности помывки всего тела. Все обитатели сидели уже подолгу: кто по году, кто по два. Мне очень не хотелось переходить отсюда, но всего два дня я здесь наслаждался жизнью.

Переехав в камеру 509, я попал в так называемую «воровскую хату», которая предназначена для того, «чтобы жизнь мёдом не казалась»: две двухъярусные кровати, отсутствие телевизора и холодильника, сломанная вентиляция, туалет

без стен до потолка, потому что там не была запланирована вытяжка изначально, непокрытый клеёнкой стол ужасного серого цвета, как и шкафы, обшарпанные батареи, стены и потолки. Здесь я уже почти две недели, с 18 июня. Со мной в камере 41-летний строитель Алексей, которому вменяют 159-ю статью. Он бывалый, уже ранее сидел в этом СИЗО. Владимир, представитель алмазной фирмы «АЛРОСА», который всю жизнь прожил в Америке, женился там на японке, и она родила ему двух детей. Он занимался реализацией бриллиантов на рынке Нью-Йорка, пока его не кинул русский еврей – забрал камни и не расплатился. Когда Володя приехал в Москву хоронить отца, то его, 55-летнего интеллигента, задержали и отправили в тюрьму.

После того как у нас из камеры забрали Рамзана Исаева, чеченца из Ростовской области, владельца машиностроительного завода, вместо него привели Вадима из Севастополя, тоже по 159-й статье УК РФ. Он самый колоритный по внешнему виду, вес примерно 160 килограммов. Поставлял топливо для котельных ФСО, причём заранее предупреждал заказчиков, что в Крыму евродизеля в чистом виде нет и это будет другое качество. Попал Вадим под кампанию зачистки в Крыму, его арестовали за 20-миллионный контракт и пересортицу топлива.

Рамзан Исаев, гендиректор машиностроительного завода
в г. Красный Сулин Ростовской области

Моё глубокое убеждение: как минимум половину людей до следствия нет смысла держать под стражей. Тот же Вадим мог бы заплатить залог и работать дальше, потому что его дело – это арбитражное разбирательство. Всё руководство страны не раз высказывало мысль, что по 159-й статье, экономической, нет смысла держать людей в тюрьме до решения суда. Однако таких сидящих всё больше и больше, тюрьмы переполнены, а экономика России стагнирует. Из-за усиливающегося пресса предпринимателей многие переезжают на Запад не столько за длинным рублём, сколько за отсутствием риска оказаться за решёткой. Причём это люди не оппозиционной направленности – даже олигархи и чиновники

из высших эшелонов власти предпочитают хранить деньги и поселять семьи за рубежом.

Мои отношения с властью в СИЗО складываются не очень ровно, да это и понятно. У них стоит задача от ФСБ гонять меня по камерам, чтобы сломить дух и быть в курсе всех моих движений. Руководству СИЗО не нравится, что я общаюсь с ОНК и советником директора ФСИН по правам заключённых Москвы Анной Каретниковой. Она очень демократична, вдумчива и старается, чтобы всё было справедливо и законно в отношении арестантов. Все начальники СИЗО перебивали у меня в камере, а также приглашали в свои кабинеты, где обычные кресла уже кажутся мне верхом удобства и благополучия. Мне туда даже страшно садиться, и это всего-то за три недели пребывания.

Самое неприятное в камере 509, где я сейчас нахожусь, – это страшная жара и отсутствие вентиляции. Двое человек курят, так что приходится ещё дышать и этой отравой. После всех моих жалоб, которые я пишу по инерции и руководству ФСИН, меня начали поджимать здесь, пока по мелочам. Например, специально говорят, что пришёл адвокат и, одновременно, что надо идти на прогулку. Я вынужден отказаться от прогулки, но всё равно полтора часа жду конвой, прежде чем меня отведут к адвокату. Отбирают газеты, копировальную бумагу, не пускают в спортзал. За три недели я был там только один раз. К слову, посещение спортзала стоит 300 рублей, душевая после занятий – 200. Ежедневная

прогулка по часу в 20-метровой чердачной комнате на самом верху здания даёт возможность подышать свежим воздухом и позаниматься на турнике. Ещё я наливаю воду в полторалитровые пластиковые бутылки и упражняюсь с ними, как с гантелями. Для меня единственные радости в заключении – прогулки и спорт.

Тюрьма делится на несколько частей. Пятый продол (коридор), где сижу я, – самый строгий: здесь не бывает телефонов, алкоголя, игры в карты. В каждой камере висит по несколько телеобъективов. Зато здесь почти нет перенаселения.

В шестом продоле, как и в пятом, сидят в основном бизнесмены и чиновники, но вольностей уже намного больше, есть и перенаселение, как правило, 17—18 человек в 15-местной камере.

Общий корпус – «воровской продол». Здесь есть всё. В первую очередь это «дороги» (верёвки, по которым ночами передают всё, что нужно, в том числе записки – малявы). Там большое перенаселение, спят по очереди. Сидят там в основном не первоходы, а настоящие рецидивисты. Есть смотрящие, которые следят за порядком и пользуются большим авторитетом.

Арестантов со всех продолов я вижу, когда иду к адвокату, а это происходит почти каждый день, а также при поездках на суды по продлению ареста. Когда подолгу находишься в одном помещении, волей-неволей обсуждаешь условия

содержания.

Вообще на центральной меня многие знают, обнимают при встрече, хотя проявление любых чувств в тюрьме не приветствуется. АУЕ – арестантский уклад един, этот лозунг часто кричат в коридорах общего корпуса.

Поездки в суд – особая каторга, поэтому большинство участвует в заседаниях через видеоконференцсвязь прямо из СИЗО. Последняя моя поездка в Мосгорсуд началась в шесть утра, а вернулся я в камеру к полуночи полностью измождённым. Очень долго собирают в КамАЗы, в которых арестанты набиты, как селёдки в бочке. Там жарко, темно. В Мосгорсуде жестоко обыскивают: раздевают догола и на период ожидания сажают в камеру («стакан») размером примерно 2,5 квадратного метра ещё с одним человеком, и вот так сидишь и ждёшь судебного заседания, а после него опять многочасовое ожидание в таком же «стакане». Затекают руки и ноги. Сухой паёк, который дают, есть невозможно. Ну и многочасовая дорога назад. Ужас! Ужас! Но ради того, чтобы увидеть своих близких, посмотреть в глаза судье, следователю, прокурору, это стоит вытерпеть. Следователь и прокурор не стараются говорить ярко и много. Пряча глаза в пол, почти шепчут: «Просим продлить арест».

В Мосгорсуд нас начали собирать уже в шесть утра. Долгие обыски, снятие отпечатков, комплектация по машинам,

слава богу, посадили раздельно курящих и некурящих. Когда едешь в суд, то есть возможность пообщаться со многими. Во-первых, долго ждёшь во внутреннем дворе перед автозаками. Около 30—40 арестантов стоят вместе в течение часа, потом ещё более часа в пути. В одном отсеке примерно 14 человек, где тоже можно поговорить.

Александр Шестун на апелляции по избранию меры пресечения в Мосгорсуде 27 июня 2018 года

Здание Московского городского суда

Очень много узбеков и таджиков – не меньше половины, и они самые оптимистичные. Познакомился с русским 50-летним мужчиной из Москвы, обычный работяга, трудится наладчиком жалюзи для магазинов, а обвиняют его по статье «Терроризм». Рассказывает, что дважды со знакомым был на посиделках секты «Аум синрикё» в обычной квартире, где участвовало три-четыре человека. Вроде как в дискуссиях участия не принимал, а только готовил еду. Теперь ему грозит срок от 15 лет. Когда слышишь такое, автоматически тебе становится легче, и твоя несправедливость по сравнению с его становится мелкой и незначительной.

Пообщался с тремя дагестанцами из Хасавюрта, которые обвиняются в изнасиловании девушки и вроде как даже

не отрицают. Попросила она за смягчение претензий 9 миллионов рублей, но они посчитали, что много, и вот теперь им сидеть не менее 10 лет. Не унывают, сидят на общем режиме, ночная жизнь там бурлит, и они в красках рассказывали мне, как весело им там живётся, хотя спят по очереди.

Слава богу, что я не сидел в этом вертепе, где даже присутствие телефонов не смогло бы компенсировать эту беспокойную жизнь с вечным дымом, очередью в туалет и невозможностью писать необходимые бумаги, в том числе из-за загруженности стола («дубка»).

Все ужасы этапирования и ожидания, как я говорил, с лихвой компенсирует возможность увидеть своих близких, друзей. Тяжело всем смотреть в глаза, потому что там ужас! Видя, с какой болью они смотрят на меня, я начинаю комплексовать.

Смотрю на них, и любовь к ним разрывает мне сердце. Вижу, как тяжело сыну Ване от того, что я в клетке, вижу огромную любовь в глазах дочери Маши, вижу, как осунулась моя жена Юля. Бесконечно тяжело осознавать, какие страдания я им доставляю. Как я допустил этот ужас для своей семьи?! Пытаюсь успокоить себя, что это будет им хорошим уроком в жизни, что этот пуд соли, который им предстоит съесть, научит их ценить простые радости жизни и более ответственно подходить к своим поступкам. Но всё равно это очень больно! Невыносимо! Проклинаешь себя! Даже сейчас, когда пишу эти строки, то слёзы просто катятся из глаз, а я и не пом-

ню, когда в жизни плакал в последний раз. Всё равно я буду ездить столько, сколько смогу, чтобы увидеть семью и близких, потому что счастье видеть их выше горечи и самоистязания за неоправданные риски.

Счастливая семья. Июнь 2018 года. За 2 дня до ареста...

Адвокат Генри Резник на ступеньках Мосгорсуда поддержал в трудную минуту Юлю:

– Я хочу вам сказать. Судя по той информации, что имеется, а я пользуюсь той информацией, что и другие, ваш супруг мне симпатичен.

Генри Резник – Юлии Шестун: «Ваш супруг мне симпатичен»

Примерно 7 июля 2018 года меня перевели в камеру 500 из камеры 509, где было очень жарко, так как за стеной находилась общая душевая, к тому же я спал на втором ярусе, и шконка (кровать) была старого образца, примерно на 15 сантиметров короче моего роста. Дискомфорт создавало ещё и отсутствие вентиляции, вдобавок двое сокамерников были курящие, и в камере постоянно стояла сизая дымка. Стрёмный парень Алексей Бельков, сидящий по части 3 статьи 159 УК РФ «Мошенничество, совершённое лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере» (с третьей частью обычно не сидят в тюрьме), на 99,9% вёл со мной внутрикамерные разработки. Поэтому когда я переехал в 500-ю и увидел там знакомых

Ивана и Стаса из 502-й, то очень обрадовался.

Правда, 500-я после ремонта сильно воняла краской, у меня болела голова первые дни и поджимало сердце. Несмотря на это, десять дней прошли в просторной камере, с нормальными одноярусными кроватями, нормальной компанией.

Стас был банкиром и создавал ПИФы – паевые инвестиционные фонды, интеллигентный и высокообразованный человек 42 лет с хорошей семьёй. Владелец банка, на базе которого он делал ПИФы, уехал в Лондон из-за того, что его небольшой банк разорился, как и подавляющее большинство других в стране, а Стаса сделали крайним, потому что не смогли достать владельца, хотя у него все деньги лежали на счетах и никуда ничего выведено не было.

Со мной из 509-й перевели 160-килограммового Вадима из Севастополя и добавили к нам ещё Сашу Шлапака – риелтора, которого обвиняли по 210-й статье УК РФ. Он уже сидел почти три года. Сорокалетний Саша уже успел посидеть в другой тюрьме и на общем режиме в «Воднике», он был самым опытным сидельцем и занимал нас различными тюремными историями. Саша очень много поездил по всему миру, так же как и Стас, и поэтому по телевизору у нас постоянно был включен канал о путешествиях, где ведущие не жились в лазурном море, в джакузи, совершали прогулки по живописным горам. Меня это напрягало, красивые картинки резко контрастировали с нашим суровым тюремным бытом.

Пробыл я в этой камере десять дней, и это было самое счастливое время с начала моей отсидки (кто знает, может, и не только начала). Я очень благодарен за эти прекрасные десять дней всем ребятам, с которыми мы вместе ходили в спортзал, обустроивали камеру, проводили шахматные турниры...

Кстати, мы избрали 25-летнего Ваню старшим по камере. Напомню, что в 502-й он тоже был смотрящим, а ведь сидящие там 40—50-летние банкиры и бизнесмены были весьма харизматичны и высокообразованны. Ваня, несмотря на свой молодой возраст, был удивительно справедливым, оптимистичным и обладал педагогическими способностями.

В эти дни я впервые не ужасался утром, просыпаясь и открывая глаза: «А-а-а! Я в тюрьме!» Эти десять дней были счастливыми не только из-за просторной камеры и хорошего коллектива, но и были временем надежд и радужных перспектив. Меня регулярно посещали члены ОНК, и однажды Иван Мельников сообщил мне, что председатель ЦИК Элла Памфилова публично возмутилась тем, что мне не дают доверенность на участие в выборах на пост главы Серпуховского района и даже собиралась приехать ко мне в СИЗО-5. «Никто не может препятствовать Шестуну участвовать в выборах», – вещала она. Тюремное начальство суетилось и бегало вокруг меня, потому что все ведущие СМИ страны процитировали её слова.

Председатель ЦИК Элла Памфилова заявила, что никто не может препятствовать Шестуну участвовать в выборах

Вообще за 35-дневный срок пребывания в «Воднике» моя публичность и активность были очень велики, а я считал, что только большой общественный резонанс может меня спасти. Моё имя частенько появлялось в топах «Яндекса» с моими комментариями и отзывами известных людей. Моё дело назвали политическим многие ведущие политики и политические обозреватели, режиссёры и общественные деятели. Павел Грудинин и Евгений Ройзман очень тепло отозвались обо мне, Алексей Навальный назвал дело политическим, а обвинения – пустыми, но всё же попутно пнул меня по привычке.

Депутат Госдумы, коммунист Валерий Рашкин сделал много запросов и активно возмущался заказухой за то, что «человек сказал правду».

Евгений Ройзман, бывший мэр Екатеринбурга: «Человека откровенно решено казнить только для того, чтобы не пустить его на выборы»

Директор ЗАО «Совхоз имени Ленина» Павел Грудинин высоко оценил деятельность главы Серпуховского района и также не согласен с обвинениями

Алексей Навальный уверен в том, что обвинения в отно-

шении Шестуна политические и пустые

Депутат Госдумы от КПРФ Валерий Рашкин назвал дело Шестуна заказухой

В качестве причин моей активности и публичности можно назвать то, что в СИЗО-5, как и во всех других тюрьмах, исключая «Лефортово», была возможность электронной переписки. Хоть там и существует цензура, но если ты вечером, в 21:00, сдавал письмо, то утром оно уже было на электронной почте у получателей. Мне писало огромное количество людей со всей страны, а я отвечал им. Мой адрес опубликовали в моих соцсетях и СМИ, ежедневно мне приносили огромную пачку писем.

Ко всему прочему, в «Воднике» ко мне каждый день хо-

дил адвокат и рассказывал, что происходит на воле, а я делился своими новостями и планами борьбы с этими оборотнями. Ежедневные беседы с защитником в светлой комнате с большими окнами и свежим воздухом давали большой стимул для моей деятельности. Я был в курсе всего, что происходило, и оперативно реагировал на всё новые проблемы и вызовы. Конечно, это очень не нравилось СК, ФСБ, ФСИН. Окончательно их терпение лопнуло, когда ко мне в СИЗО-5 «Водник» приехал Михаил Федотов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРЕЕЗД В «ЛЕФОРТОВО»

Интерес к моей истории в России рос буквально с каждым днем. Жена Юлия записала видеообращение вместе с моими детьми к президенту России, и ролик набрал за неделю более 4 миллионов просмотров в сети с тысячами комментариев. Многие мне писали, что впечатлены увиденным и что эта ситуация никого не оставляет равнодушным. Сам я посмотреть обращение, естественно, не мог, но представляю, с каким выражением говорили мои дети, силу эмоций и степень горечи в их словах и глазах. Уверен, что такая глубокая связь с детьми есть мало у каких отцов. Моя любовь к ним не имеет предела, и дочка с сыновьями отвечают мне взаимностью. Представить себе, что я ложусь спать без поцелуя или ухажу с утра, не обняв своих детишек, невозможно. Конечно, здесь большая роль Юли: она воспитывает и настраивает их так, что папу надо слушаться и любить. Ни одного отпуска я не провел без детей, думаю, что за многие годы практически не было таких выходных, которые бы я не посвятил семье.

Находясь в «Воднике», я ежедневно молился за своих детей и семью в целом, за то, чтобы Бог вызволил меня из этого ужасного места. Это свершилось! Правда, поехал не домой, а в ещё более страшную тюрьму. Я потом гневался на себя, что не ценил СИЗО-5.

Понятно, что я достал жалобами руководство «Водника», ФСИН РФ, следователей, ФСБ и Администрацию Президента РФ. Очевидно, что никому не понравилось вмешательство председателя ЦИК Эллы Памфиловой в мою судьбу. Она неоднократно заявляла, что Шестун имеет право участвовать в выборах на пост главы Серпуховского района и никто не вправе ему препятствовать. Многие центральные СМИ процитировали Памфилову, и руководство СИЗО суетилось, нервничало. Кстати, она собиралась приехать в «Водник» на встречу со мной. Но апогеем головной боли для начальства изолятора стал приезд 16 июля ко мне в изолятор председателя Совета по правам человека при Президенте РФ Михаила Федотова с его коллегой из СПЧ Андреем Бабушкиным. Вся тюрьма стояла на ушах от их визита. Встреча проходила в кабинете начальника СИЗО-5 Дениса Папуши с участием большого количества полковников из управления ФСИН.

Член СПЧ, председатель Комитета За гражданские права,
самый активный правозащитник Андрей Бабушкин

Михаил Федотов и Александр Шестун на заседании Об-

Федотов с Бабушкиным заявили, что обеспокоены возбуждением в отношении меня уголовного дела по столь сомнительным обстоятельствам, спрашивали про условия содержания в СИЗО, но самое главное – настаивали на заверении доверенности для моего участия в выборах. В ответ начальник СИЗО занял несгибаемую позицию, мол, согласно №103-ФЗ, все действия с доверенностью должны проводиться с разрешения следователя, который, конечно же, игнорировал наши письма и тупо говорил, что не получал никаких запросов, хотя мы отправили их более десяти, да и СИЗО-5 при мне отправило пять обращений по этому поводу. Председатель ЦИК Памфилова также направила свои обращения во все структуры, включая срочное письмо на имя генерального прокурора. позиция и Памфиловой, и Федотова была единой: не требуется никакого разрешения следователя на моё конституционное право быть избранным.

После посещения меня в СИЗО-5 председателем СПЧ, УФСИН, следователями СК и ФСБ наверху, видимо, лопнуло терпение, и на следующий день вместо заверения доверенности, обещанной Федотову, меня этапировали в СИЗО-2 «Лефортово».

Переезд из камеры в камеру является шоком для любого человека, а отправка в другое СИЗО – это, конечно, сильнейшее потрясение. В «Воднике» я обустроился за месяц пре-

бывания, приобрел товары длительного пользования, которые нельзя забрать с собой, с трудом мне положили деньги на счёт, чтобы я мог получать товары из местного магазина, оплачивать спортзал, заказывать дополнительные необходимые продукты, выписал газеты и журналы. С собой, конечно, ничего забирать нельзя ни по юридическим мотивам, ни по тюремным понятиям, ко всему прочему ты просто физически не унесёшь все вещи в руках.

На сбор всегда даётся 10—15 минут, и никогда не говорят, куда ты едешь: в другую камеру, другое СИЗО или, может быть, на волю?.. Просто: «С вещами на выход». Переезд получился очень тяжёлым, с длинными обысками и просмотром каждой вещи отдельно, длился он с обеда до глубокой ночи. Автозак – отдельная песня. Собрали вещи, положили и простояли несколько часов внутри двора «Водника» – ждали пристава с извещением из Серпуховского суда, связанным с выборами в район. На улице было +30, внутри – около 40 градусов, так как водители не включают двигатель, стоя на месте, а соответственно, не работает вентиляция. Но всё это были цветочки по сравнению с тем, что я увидел в «Лефортово», этом мрачном замке Иф, куда привозят людей, чтобы сломать их волю и уничтожить всё человеческое.

Я много раз читал о жестоких порядках в СИЗО-2, а именно так называется это место, но увиденное превзошло все ожидания. Опытные сидельцы в «Воднике» предупредили,

что если я так активно буду заниматься своей защитой, общением с правозащитниками, жалобами, публикациями в СМИ, то меня отправят в «Лефортово», а там даже увидеться с адвокатами очень проблематично, словом, рисовали все ужасы. Но моё падение всё ниже и ниже я уже не мог остановить, иначе это был бы уже не я. Ко всему прочему, много ведущих политиков России называли моё уголовное дело политическим, так почему тогда не «Лефортово», рассуждал я про себя.

СИЗО-2 ФСИН России «Лефортово»

Тюрьму в Лефортово строил ещё император Александр II, по всем архитектурным правилам. Внутренний интерьер здесь, как в американских фильмах: четырёхэтажное здание имеет широкие проходы-коридоры со «вторым светом», то есть потолков в коридорах нет до четвёртого этажа. Вдоль же камер расположены узкие проходы, а две противоположные стороны здания соединяют через каждые 30—40 метров железные мостики. Выглядит всё это достаточно зловеще и фундаментально. Меня утешали слова знакомой Кати, которая сидела вместе с моим заместителем Еленой Базановой: «Представь, что ты в квест играешь». Я подумал, что это неплохое объяснение, похожее на правду, ведь главный герой любого авантюрного романа обязательно попадет в тюрьму. Так почему же я, ведущий столь рискованный образ жизни, избежал бы этой участи?

Моё глубокое убеждение, подкреплённое мнением сидельцев, что «Лефортово» – это «фабрика смерти», место, где полностью подавляется воля и унижается человеческое достоинство, здесь «глубокая заморозка» – отсутствие связи с внешним миром. Это единственная тюрьма в мире, где заключённые не видят друг друга, где существует правило, по которому по коридору может пройти только один арестант, поэтому продольные постоянно перекрикиваются – «пятый пошёл», «пятнадцатый зашёл», словом, традиции, копирующие времена КГБ и царских устоев. Александр II

строил эту тюрьму для военных преступников, изменников Родины. В камере площадью 8 квадратных метров сидело по одному человеку. Сейчас по двое. Это, пожалуй, всё, что изменилось с тех пор.

«Лефортово» – единственная тюрьма, где нет горячей воды в камерах, где железный туалет в виде конуса (его даже унитазом не назовёшь) стоит посреди комнаты, ничем не огороженный, и твой сосед смотрит на тебя с расстояния двух метров, как ты справляешь нужду. Очень унижительно и негигиенично. И это в XXI веке! Позор! Мало того, отхожее место ещё и под прицелом камер видеонаблюдения, а среди надзирателей много женщин.

Это единственная тюрьма в стране, где нет электронной переписки (везде с цензурой, конечно). Здесь нет услуг дополнительного питания, как во всех других тюрьмах. С моим диабетом я теперь не могу заказать творог, яйца, рыбу. Диета, которая выписана мне здесь, почему-то составляет одно маленькое яйцо (чуть больше перепелиного) на два дня и маленькую коробочку яблочного сока (непонятно зачем, ведь при диабете его как раз нельзя). Творог не дают.

Здесь нет спортзала, а в прогулочных двориках площадью 10 квадратных метров нет турника, как в СИЗО-5. Ножи выдают в дневное время только пластиковые, которыми невозможно разрезать никакие продукты.

Зато охранников в «Лефортово» во много раз больше, чем в «Воднике», хотя порядка от этого не прибавляется. Всем

известно, что до сих пор в подвале существует камера пыток и сидящих по статье «Терроризм», в основном узбеков и таджиков, там пытаются током. Например, узбек Бехруз Махмудов, сидящий здесь, написал много жалоб на то, что его пытали током, привязывая провода к половому члену, так что у него на полгода пропала эрекция. Не помогли ни письма в Генпрокуратуру, ни правозащитникам, ни президенту. Неудивительно, что арестанты часто заканчивают жизнь самоубийством. Например, недавно бывший вэдэвэшник Тарас повесился в камере, а его сосед Серажитдин Эргашев после увиденного сошёл с ума. Эргашева увезли в психушку «Бутырки» – «Кошкин дом», где его били пациенты этого заведения (о нём далее я расскажу более подробно), сидящие в основном за убийства. Впоследствии ему всё же удалось восстановить свою психику, и после перевода на зону он сказал, что никогда больше не будет жить в России и уедет в свою Киргизию.

Самое страшное в «Лефортово» для меня – не бытовые неудобства и даже не этот жесткий, строгий режим, а полная «заморозка». Адвокаты не могут попасть сюда неделями, так как в изоляторе всего шесть кабинетов для встреч на 150—200 сидельцев, и защитники устраивают жеребьёвку за право попасть к клиенту. Вкупе с тем, что здесь нет электронных писем, а цензура задерживает на несколько дней обычные почтовые отправления, то ты оказываешься отрезанным от всего мира, становишься бесправным, беспомощ-

ным и слепоглухонемым человеком.

В письмах к вышестоящему начальству и правозащитникам задаю вопрос, что я делаю здесь. Почему главу сельского района поместили в «Лефортово» вместе с террористами, олигархами, генералами, губернаторами и серийными убийцами? За всю историю существования этой тюрьмы здесь ни разу не было главы муниципалитета. Чем я так опасен для государства? Тем, что записал на диктофон и опубликовал в видеообращении к президенту РФ, как мне угрожает посадкой генерал ФСБ Иван Ткачѐв и начальник Управления Президента России по внутренней политике Андрей Ярин, требуя написать заявление об отставке? Выглядит всё это, прямо скажем, некрасиво – два больших человека, государственные люди угрожают отцу многодетной семьи тем, что в случае непослушания «мы у тебя дом отберѐм, а ты с пятью детьми пойдѐшь по миру».

Вообще надо сказать, что «Лефортово» деградирует. Во времена Александра II сюда сажали военных преступников, в советские годы – изменников Родины, в начале 2000-х здесь тоже были только арестованные по преступлениям против государства, однако в наши дни в изоляторе стали появляться и бизнесмены. Легендарная тюрьма коммерциализируется, и уж, конечно, совсем опустили её статус, посадив сюда и меня.

Мой сосед по камере, миллиардер Роман Манаширов, говорит, что за три года, как он заточѐн здесь, впервые видит

столь мелкого сидельца. «Лефортово» превратилось в место содержания арестантов, на которых поступил «заказ», хотя справедливости ради надо сказать, что террористов и госизменников всё же больше.

Самые известные здесь из олигархов – братья Магомедовы: Магомед и Зия. Они сидят два месяца, у них 210-я статья УК РФ «Преступное сообщество», хотя братья – чистые бизнесмены, их уважают в «Лефортово». Ведут они себя достойно как в бизнес-сообществе, так и в самом Дагестане. Если арест правительства почти в полном составе – они все находятся здесь же – жители республики поддержали, то арест Магомедовых вызвал обратную реакцию у населения.

Братья Магомедовы: Магомед и Зиявудин

Не менее известен и «губернатор-24» Санкт-Петербурга – 45-летний Дмитрий Михальченко. Он построил боль-

шой порт в Питере, владеет строительной компанией «Балтстрой» и множеством ресторанов, кафе, бутиков. Михальченко – друг бывших губернаторов города на Неве Валентины Матвиенко и Георгия Полтавченко, экс-директора ФСО Евгения Мурова, Виктора Воронина из Управления «К» ФСБ России и руководителя ФТС Андрея Бельянинова. У него 17 адвокатов. Из-за клаустрофобии он очень болезненно переживал первые дни ареста, громко кричал и требовал камеру побольше.

Ткачѐв приводил его в пример, как можно посадить человека за что угодно, если есть заказ. Конечно, миллиардеру Михальченко не было необходимости провозить вино мимо таможни, это совсем не его уровень, но сегодня никто не боится фабриковать дела, мало того, тот же Ткачѐв этим гордится и козыряет своими возможностями.

«Губернатор 24» Санкт-Петербурга Дмитрий Михальчен-

Камеры в «Лефортово» очень маленькие, все стандартные – по 7,8 квадратного метра, и я давеча не поверил Роме Манаширову, моему соседу, который утверждал, что они с замминистра культуры РФ Гришей Пирумовым, с которым долго просидели в этой камере и сильно подружились, тщательно промеряли стены вплоть до миллиметра. Тем не менее мы потратили около часа, ещё раз измерив спичечным коробком камеру. Так и есть: 7,8 квадратного метра, что, кстати, меньше положенных 4 квадратных метров на человека.

В этой же камере сидел губернатор Кировской области Никита Белых, что с его огромным ростом и весом очень непросто. Он уехал на зону в Рязань, где сейчас занимается заготовкой сена. Рассказывают, что его здесь никто не любил, в первую очередь персонал СИЗО. Белых никак не мог выйти из образа губернатора, очень много жаловался, разговаривал со всеми как с подчинёнными, и руководство СИЗО слило его в камеры с узбеками и таджиками, сидевшими по статье «Терроризм». Но надо сказать, что Белых вёл себя прилично, никого не сдал, вину не признал. Он большой и с большим духом, администрация СИЗО издевалась над ним, не давая лечения, а ведь он сидел с опухшей ногой и с первым типом диабета – на инсулине.

Экс-губернатор Кировской области Никита Белых

За неделю здесь я уже замучил всё руководство изолятора своими регулярными встречами с членами ОНК и обсуждением нарушений прав арестантов. Не знаю, как долго у них ещё будет интерес ко мне, но за неделю четыре встречи – это, конечно, много.

В день моего прибытия в «Лефортово» меня посетил самый активный из членов ОНК – Иван Мельников. Я находился в шоковом состоянии от смены изолятора, и его приход был как нельзя кстати. Он поднял настроение ещё и тем, что сообщил жене о моём местонахождении.

В субботу ко мне с членами ОНК, журналистом «Московского комсомольца» Евой Меркачёвой рвался член СПЧ Андрей Бабушкин, чтобы убедить начальство изолятора дать

мне доверенность на выборы, но его не пустили, так как он не является членом ОНК и не имеет права на беспрепятственный проход в тюрьму.

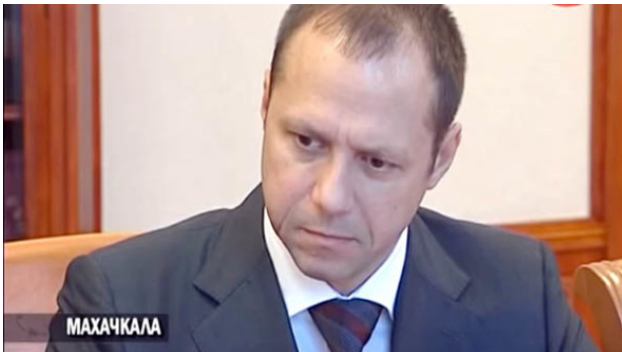
23, 25 и 27 июля руководство СИЗО-2 развернуло на КПП нотариуса, которого привели мои адвокаты, так что, видимо, не помогло вмешательство Эллы Памфиловой, и моей жене, Юлии Шестун, придётся самой идти на выборы главы района, ведь до конца регистрации остался уже один день.

Юля очень неплохой оратор, проницательная и внимательная. Недаром она работала главным редактором радиостанции «ОКА-ФМ» и впоследствии преподавателем в одном из серпуховских институтов. Я понимаю, что против неё будет работать административный ресурс губернатора и подольских, которые подмяли под себя администрацию района.

Тем временем я написал открытое письмо своим бывшим сотрудникам из администрации Серпуховского района, в котором пояснил, никого из них не осуждаю, хотя и знаю, что после ареста, прямо на следующий день, все они от меня отвернулись. Им сложно сопротивляться, ведь каждый из них оказался в ситуации человека, стоящего на коленях с приставленным к затылку пистолетом. Все видели, как легко посадили меня за постановление 2010 года, дважды проверенное судами, десять раз – следователями СК, и каждый раз признавалось, что всё законно и обоснованно. Более того, данное постановление даже не я подписывал. Любого из ру-

ководящего состава администрации района эти люди в состоянии бросить за решётку, легко и просто, даже в отсутствии вины. Плюс в наше непростое время многие боятся потерять работу. Большинство служащих – женщины, а им сам Бог велел думать о детях, о семье.

Конечно, жене Юле будет тяжело выиграть избирательную кампанию из-за того, что ключевые управления образования, культуры и спорта будут работать на её главного конкурента – Игоря Ермакова. Я уже не говорю о том, как тяжело жить с такой оравой детей, с клеймом, что муж сидит в тюрьме. Уверен, что её ждут большие испытания, обязательно будут и провокации, и новые «сюрпризы» от силовиков. Уровень, на котором меня «мочат», – космический. Уголовное дело возбудил руководитель ГСУ СК РФ генерал-лейтенант Эдуард Кабурнеев, меня упрятали в «Лефортово», да и само задержание с 40 автоматчиками, с укладыванием меня и дочери Маши на пол, с заламыванием рук и приставлением оружия к вискам совершенно с показательной жестокостью.

Генерал СК РФ Кабурнеев в 2 часа ночи возбудил в отношении Шестуна уголовное дело по событиям 10-летней давности

Сотрудник ФСБ направляет пистолет на мою дочь Машу
Во время рассмотрения апелляции в Мосгорсуде за меня

поручились казачий атаман Сергей Одинокоев, член СПЧ при Президенте РФ Леонид Никитинский – журналист «Новой газеты», и многие другие. Знаю, какое давление было оказано на Одинокоева, и очень благодарен ему. Мужчина!

Атаман Серпуховского станичного казачьего общества Сергей Одинокоев выступил поручителем А.В.Шестуна на суде

Член СПЧ и обозреватель «Новой газеты» Леонид Никитинский выступил поручителем А.В.Шестуна на суде

Лёня Никитинский написал яркую статью в «Новой», которую завершил такими словами: «И вряд ли мы ошибёмся, предположив, что, придя в себя в СИЗО, Шестун обдумывает свою книгу. Я не сомневаюсь, что мы её ещё прочтём». Теперь это главное моё хобби, причём я никогда не писал тексты для книги сам. Бывало, надиктовывал с последующей

правкой. Возможности в «Лефортово» вести своё жизнеописание, да и готовить жалобы с ходатайствами по уголовному делу и по содержанию в СИЗО неограниченные. Во-первых, в камере всего два человека, а зачастую находишься там даже один, и никто тебя не отвлекает. Во-вторых, телевизор показывает только два канала – «Россия 1» и «НТВ», трансляция низкого качества, да и сам телевизор маленький и очень старый, в этом отличие от «Водника», где плазма с цифровым качеством, и сокамерники её гоняют с утра до вечера. В-третьих, адвокатам в СИЗО-2 пройти сложно, и у тебя не уходит время на общение с ними, нет электронной переписки, соответственно, и писем почти не приходит, нет спортзала... Сплошное свободное время.

Помимо больших возможностей реализовать себя в качестве писателя, в «Лефортово» есть ещё несколько плюсов. Здесь очень много известных людей с резонансными делами, с некоторыми получается пообщаться. Это поднимает мою самооценку и подогревает интерес общественности к моей истории, а для меня это возможность к освобождению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.